

ЦАРЬ И ПАТРИАРХЪ.

(Къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній).

Кажется, близится время, когда Русская Церковь будетъ возглавлена Первосвятителемъ Патриархомъ. Много лѣтъ прошло съ того дня, когда на св. Руси сошелъ въ могилу ея послѣдній Патриархъ. Многіе теперь перестали ясно понимать величавый нравственный обликъ Первосвяителя Русской Церкви—Патриарха, многими въ настоящее время смутно представляется и его широкая церковно-общественная дѣятельность. Не ясны стали для насъ и отношенія Патриарха къ Государямъ и Государей къ Патриархамъ. Въ литературѣ по этимъ вопросамъ высказываются нерѣдко діаметрально-противоположныя взгляды. Мнѣ хотѣлось бы бросить хотя только одинъ лучъ свѣта въ эту темную область...

Я не буду брать Патриарховъ Филарета и Никона, власть которыхъ была исключительно огромна и даже неповторяема въ послѣдствіи. Я хочу взять въ примѣръ Патриарха, среднѣйш., такъ сказать, размѣровъ, Патриарха Іосифа. Я не собираюсь живописать всей сложной исторіи взаимныхъ отношеній Патриарха Іосифа къ Государю и Государя къ Патриарху. Это заставило бы меня выдти изъ рамокъ небольшой журнальной статьи на просторъ огромнаго изслѣдованія. Повторяю: моя задача болѣе скромна—бросить хотя только одинъ лучъ свѣта въ область этого темнаго вопроса. Поэтому я ограничусь въ данномъ случаѣ немногимъ; приведу лишь одно письмо царя Алексѣя Михайловича, которое весьма характерно въ разсматриваемомъ отношеніи. Я не буду даже почти никакъ и комментировать его. Сдѣлать это—попрошу самого читателя за меня. Читая это письмо строка за строкой, пусть онъ по-

путно вспоминаетъ отношеніе Государей послѣднихъ двухъ вѣковъ къ Первосвятителямъ Русской Церкви. Это сравненіе дастъ ему возможность во-очію увидать, какая дѣйствительно несоизмѣримая пропасть лежитъ въ данномъ случаѣ между нашими временами и временами давноминувшими. Письмо осязательно покажетъ каждому, какъ высоко въ прежнія времена стояла власть нашихъ архипастырей и какъ сыновне внимательна была къ ней наша гражданская власть.

Письмо, о которомъ я говорю, дѣйствительно замѣчательное письмо. Оно отличается поразительной оригинальностью, самобытностью, колоритностью, постоянно вызываетъ въ читателѣ то чувства удивленія, то чувства любопытства, то чувства радости, то даже чувства сильнаго страха. По мѣстамъ, при чтеніи этого письма, невозможно удержаться отъ улыбки и даже самого глубокаго смѣха. Читая это произведеніе „тишайшаго“, невольно думаешь, что даже не всегда и не всякій сынъ станетъ въ такія отношенія къ своему родному отцу, въ какихъ „тишайшій“ стоитъ къ Патріарху Іосифу.

Для „тишайшаго“ Патріархъ не просто архипастырь, но „государь“, „великій святитель“, „отецъ нашъ“, „свѣтъ“, „пастырь“ и т. д. И это не литературная гипербола, не простая обмолвка словомъ, а дѣйствительная, совершенная правда.

Разсказываетъ государь, какъ Патріархъ во время обряда хожденія на ослати, „кручиновать добръ былъ“, какъ „въ ходу никто не могъ угодить ему“, какъ онъ постоянно „на всѣхъ кручинился“. Замѣчательно описываетъ свои страхи у гроба умершаго Патріарха. Разсказываетъ, какъ онъ не разъ кланялся Патріарху въ землю и „цѣловаль его въ ногу“, принимая отъ него святительское его благословеніе, какъ онъ, приходя къ нему, „дождался съ часъ его государя въ крестовой... Простота, естественность отношеній государя просто поразительны. Царь знаетъ всякую мелочь въ домѣ Патріарха, знаетъ cadaго служку Патріарха и даже по имени. Приводитъ всякіе слухи и разговоры о Патріархѣ. Ему извѣстенъ каждый шагъ Патріарха. Государь бранится съ келейниками умершаго Патріарха, изъ которыхъ одинъ, по его словамъ, „трехъ перечестъ не умѣетъ“, „смирять дѣтей боярскихъ (патріаршихъ), сколько Богъ помочи далъ“. Всту-

пааетъ въ пререканія съ священникомъ, который „не по подобію“ читаетъ Псалтирь надъ умершимъ Патриархомъ. Распо­ряжается звономъ по умершемъ Патриархѣ, хлопочетъ о погребеніи, заботится, чтобы „духъ“ не шелъ отъ умершаго, указываетъ самъ, какую операцію надо сдѣлать для этого надъ покойникомъ... Разсказываетъ о своей скорби по умершемъ и своихъ слезахъ, какъ онъ „надеѣлся плачучи на него свѣта смотря“. Глядя на умершаго, называетъ себя „первымъ грѣшнымъ и мерскимъ“, „окаяннымъ“, котораго ожидаютъ великія мученія за злыя дѣла и всякія прегрѣшенія...

Словомъ, постоянныя и совершенно искреннія заботы и хлопоты „тишайшаго“ около умирающаго и потомъ умершаго Патриарха скорѣе походятъ на заботы келейника, глубоко и искренно преданнаго своему господину, чѣмъ на заботы Государя великой Русской земли. По мѣстамъ Государь весьма сильно смахиваетъ на понамаря даже ¹⁾. Впрочемъ, вернемся лучше къ письму и предоставимъ возможность читателю самому судить по письму объ отношеніи Государя къ Патриарху и Патриарха къ Государю.

Вотъ это письмо.

Письмо написано Государемъ къ митрополиту Новгородскому⁴ Никону.

Въ понедѣльникъ шестой недѣли великаго поста, пишетъ „тишайшій“, свят. Іосифъ „заболѣлъ лихорадкою да трясла его ходячи по днямъ, а къ вербному воскресенію и полегчѣло, да при­шелъ утинъ да грыжа, на злую силу ѣздилъ на ослиати; а кручинovatъ добръ былъ, въ ходу никто не могъ угодить, на всѣхъ кручинится; да и не служилъ самъ, велѣлъ Казанскому да вла­стемъ; а за столомъ веселъ таковъ былъ, сказываютъ, что не вѣ­даетъ, гдѣ дѣтся. Да на страстной недѣлѣ посылалъ я въ поне­дѣльникъ и во вторникъ о спасеніи спрашивать, и онъ государь самъ выходилъ да сказывалъ: „есть де легче; прямая де лихо­радка, и зиобить и въ жаръ великой приводитъ“; да во вторникъ ѣздилъ отпѣвать Ивана Григорьева сына Плещеева жену, а отпѣ­вать де на злую силу, весь де чернъ въ лице; мнѣ приѣхавши сказывали, кто былъ на погребеньѣ томъ, гораздо де боленъ Пат­риархъ, а въ среду ту ни у заутрени, ни у обѣдни не былъ, а я того не вѣдалъ, что онъ гораздо боленъ, да послалъ я Василья Бутурлина о спасеніи его великаго святителя спросить, а его де одва вывели, а говорить де хорошо. И приде мнѣ въ вечеру по-

¹⁾ Ср. Павла Алеппскаго.

мышленіе тое жъ среды, что пойтить къ нему мнѣ навѣстить его, а другое мнѣ помышленіе прииде, что завтра де побываешь; и Божиимъ изволеніемъ первое то помышленіе гораздо почало понуждать итти къ нему, и благословяся у отца своего духовнаго, пошелъ къ нему тое жъ среды въ вечеру, и пришелъ къ ему за часъ до вечера, и дожидался съ часъ его государя въ крестовой, и вывели его одва ко мнѣ, и идетъ мимо меня благословлять Василья Бутурлина, и Василей молвить ему: „Государь де стоитъ“; и онъ, смотря на меня, спрашиваетъ: „а гдѣ де Государь?“ и я ему извѣстилъ: „предъ тобою святителемъ стою“; и онъ посмотри молвилъ: „поди, Государь, къ благословенію“, да и руку мнѣ далъ поцѣловать, да велѣлъ посадить себя на лавкѣ, а сѣлъ по лѣвую руку у меня, а по правую не сѣлъ, и сажалъ да не сѣлъ: а вышелъ ко мнѣ, знать, въ самомъ зломъ знобу, какъ почело его знобить, а онъ и вышелъ ко мнѣ; да спросилъ я его святителя про болѣзнь: какая болѣзнь? и онъ сказалъ: „лихорадка де знобить и топерѣ“; а говорить съ забытью, а иное замолчить да долго не говорить, а лихорадка та его какъ не подымая знобить; и я учалъ ему говорить: „такое то, великій святитель, наше житіе: вчерась здорово, а нынѣ мертвы“; и онъ государь молвилъ: „ахъ де, царь государь! какъ человекъ здоровъ, такъ де мыслить живое, а какъ де приметь, инъ де ни до чего станеть“; и я ему свѣту молвилъ: „не гораздо ли, государь, недомагаешь?“ и онъ молвилъ, какъ есть скрозъ зубы: „знать де что врагуша трясеть, и губы окинула, чаю де что покинетъ, и лѣтосъ такъ же была“... И посидя немного, я всталъ и его поднялъ, и такъ его начало знобить, не смогъ и Достоинно проговорить. Славу проговорилъ съ отпускомъ насилу; да почелъ ко мнѣ прощенія говорить, что говорятъ въ среду на страстной, и я ему отвѣщаль по уставу, да самъ почелъ прощеніе къ нему творить, да поклонился въ землю ему, а онъ малой поклонъ сотворилъ да благословилъ меня, да велѣлъ себя вестъ провожать меня, а ноги те волочить на злую силу; и я сталъ, и учалъ его ворочать: „воротися, государь, ей пуще тебѣ будетъ“; и онъ мнѣ жалуетъ говорить: „ино су я тебя и въ другоредъ благословлю“, и я молвилъ: „пожалуй же, государь великій святитель, благослови и третицею“; и онъ пожаловалъ и въ третій благословилъ, да какъ благословить и руку дастъ цѣловать и въ херувимъ; и я благословяся да поклонился въ землю ему и поцѣловалъ въ ногу, и онъ, смотря на меня, благословляетъ и прощаетъ, да и воротился, да и повелъ его въ заднія кельи, а я пошелъ къ себѣ; да молвилъ оглѣнясь: „завтро де велю служить и дѣйствовать Казанскому со властью, а на меня де не покручинься, не могу“; и я молвилъ: „добро, государь. вели ему, а самъ поотдохни къ свѣтлому воскресенію“.

Но надеждамъ Государя не суждено было исполниться. Болѣзнь приняла совершенно неожиданной оборотъ. Государь пишетъ:

„И енто все дѣлалось въ среду на страстной въ вечерѣ, а на утре въ четвергъ допѣвають у меня завтрею за полчаса до свѣта; только начали первой часъ говорить, а Иванъ Кокосиловъ ко мнѣ въ церковь бѣжить къ Евдокеѣ Христовы Мученицы и почаль меня звать: Патриархъ де кончается; и первой часъ велѣлъ безъ себя допѣвать, а самъ съ небольшими людьми побѣждалъ къ нему и приближалъ къ нему, а за мною Резанской, я въ двери, а онъ въ другія; а у него толке протодьяконъ, да отецъ духовный, да Иванъ Кокосиловъ со мною пришелъ, да келейникъ Оерапонтъ. и тотъ трехъ не смыслить перечестъ, таковъ простъ, и себя не вѣдаетъ, а опричь того ни отиудъ никого нѣтъ, а его свѣта поновлялъ отецъ духовной. И мы съ Архіепископомъ кликали и трясли за ручки те, чтобъ промолвилъ, отиудъ не говорить, толке глядять а лихорадка та знобить и дрожить весь, зубъ и о зубъ бьетъ; и мы съ Архіепископомъ не могли роскликать, и роспрашивали протодьякона, для чего вѣсти ко мнѣ не повѣдали и ко властемъ, и онъ почаль говорить то: „кобы де не я, государь, заставилъ сильно поновлять отца духовнаго, и онъ бы де такъ и ушелъ безо всего; я де пришелъ къ нему, а онъ де лежитъ безъ памяти, а отца духовнаго выслалъ вонъ, и онъ де стонетъ у дверей, не смѣетъ и войтить; я де почаль говорить: для чего нейдешь? и онъ де мнѣ говоритъ: не смѣю де итти, станеть де кручиниться, и я де закричалъ: хотя бъ де билъ тебя и ты бы де шелъ къ нему, видишь де и самъ, что топере онъ въ нецевельѣ, потому болѣзнь та гораздо приняла его, и Ивана того де я сыскалъ да послалъ по тебя государя и по Казанского и Резанского“.

Найдя патриарха въ такомъ опасномъ положеніи, благочестивый Государь думаетъ прежде всего не о подачѣ ему какой-либо медицинской помощи, а старается узнать, исповѣдывался ли Патриархъ и какъ его теперь причащать. Безъ напутствія св. тайнами никому нельзя умирать, а Патриарху православному и подавно.

„И мы спрашивали отца его духовнаго, какво говорилъ въ исповѣданіи и онъ сказалъ: „гораздо де тупо понавливался, чутъ де намѣчалъ“; да протодьяконъ сказывалъ: „я де давѣ на великую силу роскликалъ, инъ де только и молвилъ: пошли де по государя, да и только; да съ тѣхъ де мѣстъ и по ся мѣстъ языка нѣтъ, какъ вы и пришли“; и я и Резанской почели кликать, и онъ государь только очми зрить на насъ быстро, а не говоритъ: знатно то, что хочеть молвить да не сможетъ; не могли роскликать ни коими мѣрами, какъ есть въ лихорадкѣ, какъ въ жаръ кинетъ, такъ то онъ лежитъ въ забытіи, невѣдомо какая та болѣзнь та у него святителя была. Да мы съ Резанскимъ да сѣли думать, какъ причащать ли его топере или нѣтъ: а се ждалъ Казанского и прочихъ властей, и мы велѣли обѣдню пѣть раннюю, чтобы причастить: такъ Казанской приближалъ. да послѣ

Вологодской, Чудовской, Спасской, Симоновской, Богоявленской, Мокей протопопъ, да почелъ кликать его и не могъ роскликать: а лежалъ на боку на лѣвомъ, и переворотили его на спину и подняли главу то его повыше, а во утробѣ то и знать, какъ грыжа то ходитъ, слово въ слово таково въ утробѣ той ворошилось и ворчалъ, какъ у батюшки моего предъ смертью..

Началось замѣшательство... „Власти“ все стали „творить“ поспѣшно, не соблюдая даже обычныхъ правилъ.

„Казанской учалъ говорить, что причастить его запасными дарами и велѣлъ отцу духовному просить прощенія предъ всѣми властями за него; и причащали его святителя при мнѣ Казанской, Резанской, отецъ духовной его, да протодьяконъ; а причащали его власти безъ ризъ въ мантияхъ безъ клобукъ: а какъ пожаловали части и ему уста розымалъ протодьяконъ, а онъ государь безъ памяти лежалъ. И послѣ причастія почалъ онъ государь гораздо дышать больно: и почалъ отецъ духовной говорить: велѣлъ де себя масломъ соборовать; и почали облачаться, и къ освященію масла прѣхали Вологодской, да Ростовской и Крутицкой, да Андроньевской, да Здвиженской, а иные прочіе черные власти были въ соборѣ; преслѣлъ какъ часть освященію и помазанію маслу, а отецъ духовной мой со мною вмѣстѣ пришелъ, а причащали безъ него: онъ на часть вышелъ; и почали первое евангеліе честь, а я у него стою, да возлѣ меня стоять по правую сторону отецъ его духовной, а мой отецъ духовной по лѣвую сторону у него стоять, подъ руку его подъ лѣвую держать, опадываетъ рука та добрѣ“.

Начиналась, повидимому, уже предсмертная агонія... „Тишайшій“ пишетъ:

„Какъ прочелъ Казанской и приложилъ его, такъ послѣ евангелія того почалъ онъ быстро смотрѣть на лѣвую сторону ко властямъ, гдѣ масло то освящаютъ, да повелъ очми тѣми вверхъ да почелъ съ краю того жаться къ стѣнѣ; кой часть почалъ пристально и быстро смотрѣть, и я узналъ, что онъ видѣніе видитъ; не упомню, гдѣ я читалъ: передъ разлученіемъ души отъ тѣла видить человѣкъ вся добрая своя добрые и злые дѣла: и молвилъ я отцу его духовному: „видитъ отецъ нашъ нѣкакое видѣніе“; и онъ молвилъ: „нѣтъ де, полна де, въ нецевенѣ такъ смотреть“; и я молвилъ: „смотри, что будетъ, и самъ не знаешь, что говоришь“; и я отцу своему духовному сказалъ, что видить нѣкакое видѣніе: и онъ молвилъ: „видитъ де нѣчто“: а смотрѣлъ съ четверть часа быстро создому, а смотреть все въ потолокъ знатно, что видитъ, и почалъ руками закрываться и жаться къ стѣнѣ то и въ уголъ, какъ стѣну ту не выломать, и руки те вырвалъ у протопопа да почалъ закрываться да зарывалъ великимъ гласомъ, а невѣдомо что, да почалъ хорониться и жаться добрѣ въ уголъ: походило добрѣ на то, какъ кто кого бьетъ, а кого бьютъ, такъ тотъ закрывается, такъ то надъ нимъ

святителемъ было; да затрясся весь въ ту пору и плакать почаль и кричать такъ же, а смотреть вверхъ; да было того съ полчетверти часа, да послѣ крычанія почнетъ и отходить, дважды отходилъ и отходную говорили, да опять очнулся да почелъ тихнуть, а очи гораздо мутны стали съ кричанія“.

Царь не могъ долѣе оставаться у постели умирающаго и рѣшилъ идти къ себѣ въ „палаты“.

„Проговоря прощенія предъ нимъ да поцѣловаль въ руку, да въ землю поклонился, и пошелъ я къ себѣ въ пятомъ часу въ исходѣ... А у него святителя остался Резанской, да отецъ его духовной, да ризничей, да Спасской келарь Пафнутій Еропкинь; а Казанской со властями пошли готовиться къ службѣ, и начали въ соборѣ въ седьмомъ часу вечерню, а у меня ту жъ пору начали; и какъ начали пѣть въ соборѣ, и какъ начали у меня, вмѣсто Херувимской первой стихъ Вечерѣ твоей тайнѣ пѣть, а онъ государь въ тотъ часъ представися осмага часа въ полы; и прошѣли первой стихъ, и приближалъ келарь Спасской и сказалъ мнѣ: патриарха де государя не стало; а въ ту пору ударилъ въ царь-колоколь трикраты, и на насъ такой страхъ и ужасъ нашель, одва пѣть стали и то со слезами, а въ соборѣ пѣвчіе и власти всѣ со страху и ужаса ноги подломились, потомучто кто преставился, да къ такимъ днямъ великимъ кого мы грѣшныя отбыли: яко овцы безъ пастуха не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, такъ то мы нынѣ грѣшныя не вѣдаемъ гдѣ главы приклонити, понеже прежняго отца и пастыря отстали, а новаго не имѣемъ“.

По окончаніи литургіи, Государь спѣшитъ въ патриаршія келліи... Онъ не дожидается даже обряда умовенія ногъ. Ему страшно хочется взглянуть на умершаго и поклониться дорогому праху, провести хотя только нѣсколько минутъ у этого новаго гроба.

„Отпѣвши обѣдню, пришелъ къ нему свѣту, а онъ государь уже преставися, лежитъ какъ есть живъ, и борода расчесана лежитъ какъ есть у живого, а самъ немѣрно хорошъ; и простяся съ нимъ и поцѣловавъ въ руку, и пошелъ къ умовенію ногамъ, а его государя приказалъ готовить погребальная Резанскому Архіепископу, да архимандриту Андроньевскому, да отцу его духовному, а тѣ всѣ власти были въ службѣ; и послѣ умовенія, съ Казанскимъ Митрополитомъ Корнилемъ и со всѣми властями приговорилъ выносить на завтренѣ въ пятницу въ великую къ Ризъ Положенію до часовъ, да вынести и по мощи поитить къ Благовѣщенію Богородицы; пришли по нѣго часу въ пятомъ дни, а онъ свѣтъ какъ есть живъ лежигъ, и вѣры неймется, таковъ хорошъ лежитъ во гробѣ, только не говоритъ; а облачали его свѣта всѣ власти, Казанской Митрополитъ съ товарищи, и вынесли его свѣта къ Ризъ Положенію, и вынеши его, пошли по мощи къ Благовѣщенію“.

Два раза Государь былъ уже у гроба умершаго Патріарха въ одинъ и тотъ же день. Но не смотря на это, его снова влечетъ какая-то невѣдомая сила къ этому дорогому гробу.

„И вечеру того пятка пошелъ я съ женою и съ сестрами къ Благовѣщенію къ святымъ мощамъ и въ соборъ ко гробу знаменаться съ отцомъ нашимъ Іосифомъ Патріархомъ проститься и прошеніе получить; и изъ собору пошелъ самъ одинъ напередъ прежь нихъ къ Ризъ Положенью выслать стрѣльцовъ; да пришелъ я къ дверемъ полунощнымъ, а у него отнюдь никакого сидѣльца нѣтъ, кому велѣлъ быть игумною, тѣ всѣ разбѣхались; и я ихъ велѣлъ смирять Митрополиту: да такой грѣхъ, владыка святой, кого жаловалъ, тѣ ради его смерти, лутчей Новинской игумень, тотъ первой поѣхалъ отъ него домой; а дѣтей боярскихъ я смирялъ сколько Богъ помочи далъ“.

Тутъ съ „тишайшимъ“ случилось не малое искушеніе. И любовь къ Патріарху не спасла было „ташайшаго“... Царь пишетъ:

„Надъ патріархомъ одинъ священникъ говорить Псалтырь, и тотъ говорить во всю голову кричить, а двери всѣ отворилъ; и я почалъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь? Прости де, государь, страхъ нашелъ великой, а во утробѣ де, государь, у него святителя безмѣрно шумѣло больно грыжа до тебя государь то-то де меня и страхъ взялъ; а у него государя животъ взнесло, съ поларшина изъ гроба знать утробы то его, и руки не сойдутся какъ у прочихъ мертвецовъ ведется, а какъ преставился и вынесли, и у него свѣта отнюдь живота не знать было изъ гроба только голова одна наружѣ была“; да священникъ же почалъ мнѣ сказывать: „часы де въ отдачу, вдругъ взнесло животъ у него государя и лицо въ ту жь пору почало пухнуть: то-то де меня и страхъ взялъ, я де чаялъ; ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать. „И на меня прости, владыко святой, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа то ходитъ прытко добръ въ животъ, какъ есть у живаго, да и мнѣ приде помышленіе такое отъ врага: побѣги де и ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча удавить; а насъ только я да священникъ тотъ, который Псалтырь говоритъ; и я перекрестясь да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего бояться? да руку его хочу покинуть, а самъ смотрю на лицѣ его, и онъ безмѣрно пухнетъ: борода то вся сжалась, а лицо розно пухнетъ: да въ ту жь пору какъ есть треснуло такъ то у него во устѣхъ, нежидотъ треснуло, да и уста тѣ стало воротить при мнѣ розно, а нежидотъ пошелъ изо устъ и изъ ноздрей кровь живая; и я досталъ испужался, да поостоялся такъ мнѣ полегчело отъ страху, да тѣмъ себя и оживилъ, что за руку ту съ молитвою его взялъ; да и духъ почелъ великой быть; а жена и сестры отнюдь не испужались, а близко

блюлись подойтати: безмѣрно, владыко святыи, страшенъ въ лицѣ томъ сталъ, лицу тому у него свѣта единымъ часомъ доспѣлось: и я оставилъ сидѣть и ночевать Чудовскаго келаря Θεодосіа“.

Царь дома. Но и здѣсь онъ все занять Патріархомъ. Ему докладываютъ о всемъ, что происходитъ у гроба Патріарха. Докладываютъ даже „въ полночь“... Государь пишетъ:

„И пришелъ келарь Чудовской въ полночь противъ субботы и почелъ мнѣ говорить: „нежду де добрѣ много идетъ“, и меня прости, владыко святыи, велѣлъ тайно ему одному да отцу его духовному, Знаменскому игумену, провергѣть въ ноги и шель неждѣ во всю ночь, течмя шолъ, мы чаяли, что и не перестанетъ; сталъ съ Казанскимъ Митрополитомъ тужить, и Содѣтель нашъ и Творецъ свыше насъ дѣлаетъ: какъ часы отдали денные въ субботу великую, а у него и пересталъ итить“.

„Тишайшій“ употребляетъ всѣ усилія, чтобы похоронить Патріарха съ честію, скрыть отъ людей малодушныхъ не совсѣмъ привлекательный видъ бранныхъ останковъ св. Патріарха. Въ противномъ случаѣ вѣдь могли пойти очень неладные толки о святѣйшемъ...

„Положась на волю Божию, для того поранѣе и велѣли въ пятомъ часу дни благовѣстить къ обѣднѣ, блюлись того: человекъ сырой, а се не вылежалъ ни выболѣлъ, блюлись долго не хоронить; и такъ безпрестани и въ головахъ и въ ногахъ ладономъ окуривали, горшки стояли съ ладономъ, инъ и такъ духотъ слышеть не такъ что по всей церкви, а саженьяхъ въ двухъ слышеть: ладонъ столбомъ идетъ, а духу того не задуть. А погребли въ одиннадцатомъ часу дни, отлужа съ нимъ обѣдню, и по заамбоннѣй молитвѣ вынесли и погребеніе совершили; а онъ стоялъ покрытъ весь, толко шапка одна наружѣ была не покрыта, да рука выиета изъ подъ покроя для цѣлованія; а цѣловали мы въ шапку да въ руку, а лица отнюдь никоими мѣрами нельзя было открыть; вѣдомо, владыко святыи, тѣло перстно есть, да мы маладушніи тотчасъ станемъ осуждать да переговаривать: для того и не открыли лица“.

Наступало время послѣдняго прощанія съ святѣйшимъ. Не смотря не на совсѣмъ благообразный видъ останковъ Патріарха ¹⁾, сердце „тишайшаго“ наполняется глубокою и искреннею скорбію. Онъ глубоко понимаетъ и чувствуетъ, кого лишился и горячо сердечно оплакиваетъ умершаго.

„Да какъ его государя переложили во гробъ, такъ сталъ Казанской Митрополитъ грамоту разрѣшительную говорить... А прочетчи, положилъ въ правую руку, а въ лѣвую списокъ рукопи-

1) И до сихъ поръ сильное разложеніе трупа обыкновенно считается признакомъ сомнительной святости человека.

саніе его лѣтъ, и положиа благословилъ рукою да поцѣловаль въ руку; и мы, владыко святой, надсѣлися плачучи, кого кто благословляетъ, сынъ разрѣшаетъ отца и благословляетъ, и въ ту пору плакали всѣ какъ грамоту челъ, а то и досталь надсѣлися всѣ плачучи отца нашего, такъ какъ изволилъ взять; а мнѣ первому грѣшному и мерскому которая мука не ждетъ? ей, всѣ ожидаютъ меня за злые дѣла, и достоинъ окаанный тѣмъ мукамъ за своя согрѣшенія; а бояре и власти то жъ всѣ говорили промежу себя: не было такого человѣка, которой не плакалъ на него смотря: потому вчера съ нами, а нынѣ безгласенъ лежить, а се къ такимъ великимъ днямъ се стало. А отецъ духовной тое жъ разрѣшительную молитву говорилъ тайно подшедши къ нему, прежъ спусканія въ землю, какъ начали канонъ на погребеніе пѣть“.

Во время прощанія, обильнаго такими слезами, произошло естественное замѣшательство. Но „тишайшій“ находчиво исправляетъ и его.

„Случился такой грѣхъ, владыко святой, погребли безъ звону: всѣ позабыли въ страсть; я вспамятоваль, какъ почали поклоны класть за него, такъ я велѣлъ звонить послѣ погребенія доколѣ мы всѣ поклоны клали, а вту пору звонили, а прежнихъ Патріарховъ со звономъ погребали“.

Потомъ, Алексѣй Михайловичъ начинаетъ заниматься описаніемъ послѣднихъ дней умершаго, послѣднихъ его словъ, различныхъ слуховъ о немъ, собранныхъ тамъ и здѣсь. Для него все въ данномъ случаѣ дорого.

„А какъ я отъ него пошелъ отъ живого въ четвергъ, и послѣ меня, сказывали мнѣ Резанской Архіепископъ съ товарищи, двожды де недугъ ималь Патріарха безъ тебя страшнымъ обычаемъ, да послѣ де того, сжался съ двожды прытко да и отошелъ ко Господу Богу. А какъ, владыко святой, масломъ его свѣта соборовали, какъ отецъ его духовной прощенія за него сталъ говорить ко всѣмъ властямъ большее и рукоположеніе поминалъ, и онъ свѣтъ глядитъ на нихъ, а не говоритъ: то-то слезно, владыко святой! и проговоря поклонился въ землю, а Казанской Митрополитъ и всѣ власти едва возмogli отвѣтъ сотворить; ей, владыко святой, едва голосами ни воскликнули плачучи, какъ живъ смотреть, а отвѣта не творить; всѣ люди около его стрѣпають: меня прости, владыко святой, надсѣлся плачучи на него свѣта смотря, а свои грѣхи воспоминаючи; и которые отъ ближнихъ были со мною, всѣ перервались плачучи, а всѣхъ пуши Трубецкой, да князь Михайло Одоевской, да Михайло Ртищевъ, да Василей Бутурлинъ плакали по немъ государѣ, что какъ Богъ изволилъ скорымъ обычаемъ взять, и свои грѣхи воспоминаючи. Да сказываль мнѣ Василей Бутурлинъ, а ему сказываль патріарховъ діакъ Ѳедоръ Тороповъ: мнѣніе де на него государя ве-

ликое было; то и говорилъ: перемѣнить меня, скинуть меня хотѣть, а будетъ де и не отставятъ, и я де и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ; и денегъ приготовилъ съ чѣмъ итѣть, какъ отставятъ, безпрестани то и думалъ и говаривалъ, а невѣдомо отъ чего; а у меня и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видѣть, ей, ни на умѣ того не бывало, и помыслить страшно на такое дѣло“.

Далѣе, Алексѣй Михайловичъ дѣлаетъ очень важное признание, изъ котораго видно, какъ глубоко чтили каноны церковные люди того времени... Царь пишетъ.

„Прости, владыко святой, хотя бы и еретичества держался, и тутъ мнѣ какъ одному оставить его безъ вашего собору? чаю, владыко святой, еще и въ дальнемъ ты разстояніи съ нами грѣшными, едино то жъ речеши, что отнюдь того не бывало, что его свѣта отставить или ссадить съ безчестіемъ; ты сему помышленію нашему свидѣтель, и не токмо великій Архіерею и Служебникъ Божій, свидѣтель и странный братъ нашъ Василей, чаю и онъ то жъ речетъ, что отнюдь въ помышленіи нашемъ того не бывало у насъ“ ¹⁾.

Предали святѣйшаго Патріарха землѣ. Совершили послѣднюю молитву по немъ, помянули его... Но обязанности „тишайшаго“ по отношенію къ умершему еще далеко не исчерпаны.—„Тишайшій“ назначенъ „душеприкащикомъ“ умершаго Патріарха. Царь—„душеприкащикъ“ святителя, слышишь и невольно не вѣришь тому, что слышишь... Такъ далеко ушли мы въ настоящее время отъ недалекой еще сравнительно старины... И нужно видѣть, съ какимъ усердіемъ и вниманіемъ и съ какою поразительною тщательностью, „тишайшій“ исполняетъ эту свою обязанность. Онъ заботится о каждой бездѣлушкѣ изъ обширнаго имѣнія Патріарха, боится какъ бы не пропало что изъ его вещей или не было отдано тому, кому не назначено, отмѣчаетъ старательно все, чего не было въ описи. По „маленькимъ памяткамъ“ самъ отыскиваетъ каждую вещь. „Тишайшій“ своими собственными руками перебираетъ почти все, развертываетъ каждый сосудъ, бережно покойникомъ-скопидомомъ завернутый во множество бумажекъ для предохраненія отъ пыли и ржавчины, и все потомъ укладываетъ въ прежнемъ порядкѣ. Полторы недѣли „ежедень“ работаетъ Государь самъ

¹⁾ *Акты Археорг. Экспед.* Т. IV, Стр. 78—83. Ср. *Н. Писаревъ*. Домашній бытъ русскихъ патріарховъ. Стр. 261—271. Казань. 1904. и др. мн.

въ „кеleyхъ“ умершаго Патріарха, боясь предоставить это дѣло другимъ, какъ бы они все не „разговорали“... Но и при такомъ продолжительномъ и напряженномъ трудѣ, „тишайшій“ только „на великую силу разобралъ“ все имущество Патріарха и при этомъ даже „себя надсадилъ“...

При разборѣ имущества, цѣнность и изящество нѣкоторыхъ вещей патріарховыхъ весьма соблазняетъ Государя-скопидома, такъ что и онъ „немного не покусился инымъ сосудамъ, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми“. Какъ любопытно при этомъ завѣреніе Государя „ей, ей, владыко святыи, ни маленькому ничему неточень“...

Государь самъ собственноручно распродаетъ оставшіяся послѣ Патріарха вещи, при этомъ старается продать все возможно выгоднѣе. Когда смотришь со стороны, кажется, что „тишайшій“ разбирая имущество, оставшееся послѣ Патріарха, обнаружилъ больше вниманія къ нему, чѣмъ самъ Патріархъ, когда былъ живъ и владѣлъ всѣми этими многочисленными вещами—и крупными, и мелкими. А исполнялъ такъ „тишайшій“ свой долгъ душеприкащика потому, что боялся отвѣта предъ Господомъ „за укоризненное исполненіе долга“... „А се какой я буду прикащикъ“?,—говоритъ онъ.

Вотъ какъ описываетъ самъ „тишайшій“ въ письмѣ къ тому же митрополиту Никону свои хлопоты и труды. Мы приведемъ эту часть его письма почти сполна, потому что она весьма любопытна и цѣнна въ дѣлѣ характеристики взаимныхъ отношеній Государя и Патріарха.

„Келейныя казны у него государя, пишетъ царь, осталось 13400 рублей слишкомъ, а сосудовъ серебряныхъ, блюдей, и сковородокъ, и кубковъ, и стопъ, и торелей много хорошихъ: а переписывалъ я самъ келейную казну такъ: которые суды имѣлъ изъ домовой казны, тѣ всѣ опять отдалъ въ казну; а которые князь Юрьевскіе суды, а деньги онъ платилъ келейные, и я тѣ суды отдавалъ въ домовую казну, которые пригодились, да деньги взялъ по оцѣнкѣ, я и давалъ по немъ же государѣ. Да такъ ихъ сосудовъ нашлось 30 и больше, что ни въ какихъ книгахъ нѣтъ, ни въ росписяхъ: а и прежъ помянутые суды по маленькимъ памяткамъ сыскивалъ я самъ, съ полторы недѣли ежedenъ я самъ ходилъ; а то кобы я самъ не ходилъ да велѣлъ бы переписывать по прежнему, мню, что и половины бы не по чему сыскать, потому что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бы раскрали; рѣдкая та статья, что записано, а то все безъ записки:

самъ онъ государь вѣдалъ наизусть, отнюдь ни келейникъ, ни который ничего судовъ тѣхъ не вѣдалъ; а какое, владыко святой, къ нимъ строеніе было у него, въ умъ мнѣ грѣшному не ямѣстится: не было того судна, чтобъ не пятеро оберчено бумагою или киндякомъ, а князь Юрьевская Шулешева рухлядь достальная, которая лежала у него свѣта въ чердакѣ, пищали и сабли, и тѣ всѣ смазаны, отнюдь никакой ржавки нѣтъ; а на судахъ тѣхъ отнюдь никакого порошечка нѣтъ, не токмо пыли. А которые его государевы камки и бархаты, и дороги и тафты келейные, 12 бархатовъ черныхъ было, и проданы на сторону, потому что худы добрѣ, а что продано въ домовую казну и на сторону и что князь Юрьевскимъ продано, и тому всему роспись перечневая, а иманной не успѣлъ написать: ей, ей, и то насилу успѣлъ написать... все смѣшано вмѣстѣ, и его святительское и князь Юрьевское, и брата его родного животовъ, Володимирскаго протопопа, тутъ же, на великую силу разобралъ; ей, ей, себя надсадилъ, а записки ничему нѣтъ, да не токмо изустной памяти, ни приказу никакого нѣтъ, не токмо мнѣ, ни отецъ его духовный свѣтовъ не слыхалъ приказу никакого. А въ домовой казнѣ денегъ 15000, и купленной изъ келейной на 3286 рублей 29 алтынъ, а въ остаткѣ 11713 рублей 4 алтына 2 деньги; а оцричь денегъ не переписано ничего: велю переписывать князь Ѳеодору Семеновичу Куракину, да князь Ивану Ивановичу Ромодановскому, да боярину патріархову Василью Ѳеодоровичу Янову и дьякомъ, отдѣлавши келейную казну. А со мною у келейныя казны были бояринъ Василей Васильевичъ Бутурлинъ, да думной дворянинъ Ѳеодоръ Кузьмичъ Елизаровъ, да думной дьякъ Михайло Волошениновъ; да чаю, владыко святой, келейную казну въ čtyредесятницу всю роздамъ. А деньги оны государь копилъ, только которые камки и отласы и всякіе дары и мои и ваши святительскіе и всякіе приносные, немного держалъ у себя, со сто или съ двѣсти аршинъ, а то все отдавалъ въ домовую казну, да деньги по оцѣнкѣ за всякой аршинъ ималъ въ келью, да на тѣ деньги хотѣлъ себѣ купить вотчину и дать по себѣ въ соборъ, и передъ смертью дни за два торговалъ, да Богъ не изволилъ; а я купить безъ его именного приказу не смѣлъ, роздалъ большую половину бѣднымъ прямымъ на окупъ, которымъ вѣкъ окупиться нечимъ, да въ монастыри бѣдные, и достальные туды жъ пойдутъ. Да и въ томъ меня, владыко святой, прости: немного и я не покусился инымъ судамъ, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами; ей, ей, владыко святой, ни маленькому ничему неточенъ; было бы, владыко святой, и меня столко, что вчетверо цѣну ту дать, да не хочу для того, се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ, самому мнѣ имать, а деньги мнѣ платить себѣ жъ? а то пере немѣрно радъ, что ничему неточенъ, ни патріарховыхъ, ни князь Юрьевскихъ животовъ; ни товарищемъ своимъ, которые со мною переписывали, Василей съ товарищи, и имъ не даль ку-

пить, только лишь продалъ я Василью на двадцать на семь рублей, и то изъ мелочи князь Юрьевскихъ, а болши того отнюдь ничего не далъ купить, а то далъ купить, что никто не купилъ; а я для того себѣ не купилъ, что милостию Божіею и отца своего благословеніемъ всего много и того не изжить“ ¹⁾.

„Тишайшій“ душеприкащикъ самъ занимается сложнымъ и нелегкимъ дѣломъ душеспасительнаго „росточенія“ имущества Патріарха Іосифа. Нужно было никого не забыть, никого не обидѣть. И вотъ мы видимъ, какъ „тишайшій“ собираетъ всѣхъ, отъ послѣдняго конюха до самаго большаго служакки Патріарха, собственноручно выдаетъ имъ на поминъ души умершаго различныя вещи, деньги, говоритъ имъ рѣчь, да говоритъ ее со слезами, увѣщевая всѣхъ поминать Патріарха усердно, класть за него „поклонцы“, прося всѣхъ простить его вольныя и невольныя прегрѣшенія. Рѣчь его проста, полна глубокаго русскаго здраваго смысла. Царь говоритъ:

„Теперь ему святителю ничего не сдѣлаете, а кто изъ васъ людей простыхъ безъ грѣха, а святителю можно и потерпѣть“...

Впрочемъ, передадимъ и эту часть писанія—„тишайшаго“ его собственными словами.

Вотъ какъ онъ описываетъ эту сторону своей „душеприкащической“ дѣятельности.

„Даль по немъ по государѣ Василю Янову отласъ да братину, а цѣна шестнадцать рублей; да только одному Василю лишнее далъ, а діаконъ далъ по братиночкѣ да по камочкѣ, а цѣна по 10 рублей; казначею и ризничему, и діаконъ пѣвчимъ, и дѣтемъ боярскимъ, и пѣвчиму, и поддьякону и поддьякомъ, и старцомъ, которые у него были во дворѣ, и поваромъ, и хлѣбникомъ, и конюхомъ, и по селамъ всякимъ людямъ, которые были на жаловань, и водовозомъ, всѣмъ давалъ изъ своихъ рукъ по десяти рублей, и послѣднему то жъ далъ; а собиралъ ихъ въ крестовую его патріархову и говорилъ я имъ со слезами, чтобъ поминали, а не роптали, а я теперь даю вамъ молодостыню, а не жалованье по окладомъ, потому и милостина нарицается, что всѣмъ равна, какова первымъ, такова и послѣднимъ; и они всѣ плакали и благодарили; и говорилъ я имъ, чтобъ поклонцовъ по силѣ или по кануну на всякъ день говорили; а не слушаете моихъ словъ, отъ роптанія не уйметесь, ему святителю ничего не сдѣлаете, токмо душамъ своимъ сотворите вѣчную погубель; да и то я имъ говорилъ, владыко святой: есть ли въ васъ такой, кто бѣ раба своего или рабыню

¹⁾ *Акт. Археогр. Экспед.* Т. IV, Стр. 83—85.

мимо дѣла не оскорбилъ, иное за дѣло, а иное и пьянъ напившись оскорбить и напрасно бьютъ; а онъ великій святитель, отецъ нашъ, еще кого и по напраснству оскорбилъ ино мочно и потерѣти; да ужъ что ни было, тако топерѣ пора всякую злобу покинуть, да молате и поминайте съ радостію его свѣта, елика сила можетъ; а не дать было имъ и не потѣшить денгами тѣми, которымъ я далъ имъ по десяти рублевъ, роптанію большему было быть, потому что въ конецъ бѣдны, и онъ святъ у нихъ жалованія гораздо убавилъ... и ни по котормъ Патриархъ такой милостыни имъ не бывало, и по Филаретъ дано человѣку по 4 рубля, а инымъ и менши“¹⁾).

Таково содержаніе этого любопытнѣйшаго, цѣннѣйшаго и характернѣйшаго историческаго документа...

Мы бы съ своей стороны къ великимъ по содержанію страницамъ этого письма отъ себя прибавили только слѣдующее.

Есть одна очень замѣчательная русская пословица. Сложилась она приблизительно въ концѣ XVII вѣка, въ пору перехода нашего государства отъ чисто русскихъ формъ правленія къ нѣмецкимъ заморскимъ. Эта пословица говоритъ:

„До Бога высоко, до царя далеко“.

А прежде когда-то было такое время, когда было и до Бога не высоко, и до Царя не далеко... Такое время дѣйствительно на Руси было. Но былъ эта съ Петра бумажнымъ моремъ засыпана и не скоро теперь до нея докопаетесь. Живыя души убиты, а на мѣсто ихъ созданы мертвыя, служилыя души, выдуманныя въ различныхъ, иногда даже очень немудренскихъ канцеляріяхъ, невидавшихъ почти Божьяго свѣта и настоящей души народной. Вѣдь и еще не такъ давно у насъ нигдѣ почти не слышно было голоса живого. Все „строжайшіе“ указы, да крѣпкіе „наказы“ безъ конца... Форма, мертвечина задавили живую душу человѣческую. „Обстоятельства“ похоронили въ своихъ желѣзныхъ страшныхъ тискахъ живое свободное христіанство. А дѣло все плохо клеилось и наконецъ дошло даже до того, что св. Русь стала страной всякаго позора... И теперь конца еще пока не предвидится этому позору... Мы поражены язычниками и стали хуже ихъ... И это страна народа „Богоносца“?

Вспомнимъ же нашу святую старину съ ея немалочисленными свѣтлыми сторонами, докопаемся до дорогой, забытой теперь были...

¹⁾ Акт. Археогр. Экспед. Т. IV, Стр. 85—86.

Тогда мы хотя отчасти поймемъ, почему въ то время было и „до Бога не высоко и до Царя не далеко“.

Царь и Патріархъ, олицетворявшіе собою Церковь и государство, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ были не господинъ и слуга, не господинъ и подчиненный, а два великихъ равноправныхъ строителя русской земли. Первый—строитель по преимуществу ея земной стороны, второй—благодатный строитель земно-небесной стороны. Помогая непрестанно взаимно другъ другу, эти двѣ великія власти и силы, не путаются, не вмѣшиваются въ дѣла другъ друга, не переступаютъ извѣстной черты, рѣзко разграничивающей круги ихъ дѣятельности. Одинъ занимаетъ первое мѣсто въ церкви, другой—въ государствѣ. Патріархъ не раболѣпствуетъ, не трепещетъ и не унижается передъ Царемъ, и Царь не унижается передъ Патріархомъ. У насъ не было ни крайностей Рима, ни крайностей Византіи...

И какъ въ настоящее время отрадно читать въ древнихъ памятникахъ русской исторіи о томъ, какъ Государь и Патріархъ часто вмѣстѣ бывали въ храмѣ за богослуженіемъ, какъ во время обряда хожденія Патріарха на „осляти“, Государь не считалъ неприличнымъ для себя даже вести „осля“, какъ они дѣлили вмѣстѣ радость и горе народныя, запросто ходили другъ къ другу, какъ два хорошихъ равноправныхъ знакомыхъ, обмѣнивались даже различными подарками.

И какими подарками?... Въ кормовой книгѣ 7132 года мы читаемъ:

„Для посылки держано отъ патріарха государя къ государю царю... стерлядь паровая полголовы осетрины свѣжіе шука колодка жива под хреном“ ¹⁾. „В недѣлю Октября въ 5 день праздника на праздникъ великихъ московскихъ чудотворцевъ Петра Олексѣя Ионы того дни у великаго государя святѣйшаго патріарха... кушалъ государь царь...“ ²⁾.

Учреждаются Государь и Патріархъ сами, въ то же время не забываютъ и другихъ. „Отъ великаго государя патріарха... в посылку къ государыне ж стерлядь паравая чет короваиц телново идетъ“ ³⁾. „В недѣлю Марта въ 28 день... св. патріархъ ѣлъ у государя за столомъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Кормовая кв. 7132 г. Число 2.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, Ср. Н. Писаревъ. Соч. Цит. Стр. 83—107 прилож.

Въ день возведенія на патриаршій престолъ новѣизбраннаго Патриарха, у Государя для новаго архипастыря бывалъ столъ, къ которому ради торжества великаго приглашалось множество различныхъ именитыхъ гостей. По окончаніи стола, Государь обыкновенно жаловалъ богатыми подарками новаго Патриарха. Такъ, наприм., даже послѣднему нашему Патриарху Адріану, когда отношенія Государя и Патриарха стали весьма натянутыми и близился часъ уже роковой развязки съ институтомъ патріашества, Патриарху было пожаловано Государемъ: 2 кубка серебряно-вызолоченныхъ, объяръ золотая золотная, бархатъ гладкій, 2 атласа гладкихъ, 2 камки нѣмецкихъ, 2 сорока соболей ¹⁾).

Патриархъ также не оставался въ долгу у Государя. Въ свою очередь онъ одѣлялъ его богатыми дарами. Такъ Патриархъ Іовъ подарилъ Государю: „образъ Преч. Богородицы обложенъ золотомъ чеканной съ яхонты и съ жемчугомъ, пелена атласъ черватъ сажена жемчугомъ, даровъ—кубокъ двойчатъ золоченъ, бархатъ бурской шелкъ таюсиненъ круги золоты и серебряны, отласъ веницейской, шолкъ багровъ да бѣлъ золотомъ, камка бурская, шелкъ черватъ да зеленъ да лазоревъ съ золотомъ, камка бурская шолкъ такюсиненъ да зеленъ да лазоревъ съ золотомъ, камка бурская шолкъ черватъ да зеленъ да лазоревъ да багровъ съ золотомъ, камка адамашка червата, камка адамашка свѣтлозелена, камка адамашка свѣтлозелена, камка адамашка свѣложелта, 2 сорока соболей, 200 золотыхъ угорскихъ“. Царицѣ подарено было: образъ и пелена, „бархатъ бурской черватъ съ золотомъ и серебромъ, отласъ шолкъ бѣлъ съ золотомъ, камка бурская шолкъ черватъ да зеленъ да багровъ съ золотомъ, камка адамашка червата, камка адамашка, желта 3 сорока соболей, 100 золотыхъ угорскихъ“ ²⁾).

Уже по этимъ добрымъ, глубоко человѣческимъ отношеніямъ Государя къ Патриарху, можно судить о той реальной великой силѣ, какую Церковь имѣла въ давноминувшее время. Эту силу тогда государству приходилось признавать

¹⁾ *Древн. Рос. Визліов.* Т. VI, Стр. 251 Ср. 157. *Дополн. къ Акт. Историч.* Т. VI, стр. 239.

²⁾ *Рук. Сил. Библ.* № 703, л. 120—123 и др. Ср. *Н. Писаревъ.* Соч. Цит. Стр. 258—259.

и вездѣ и всюду съ нею считаться. Ее нельзя было безнаказанно игнорировать. И это вполнѣ справедливо.

„Первые русскіе князья, отводя широкое поле для дѣйствія духовнаго суда по дѣламъ и отношеніямъ гражданскимъ, открывали тѣмъ свободный просторъ влиянію представителей Церкви на жизнь семейную, общественную и государственную, — словомъ, на всѣ стороны гражданского быта“ ¹⁾. Предстоятели русской Церкви, епископы были первыми и главными подвижниками русскихъ князей въ собираніи русской земли и насажденіи въ ней началъ просвѣщенія, широкой культурности и самодержавія. Такъ въ періодъ удѣльной разрозненности и во времена монгольскаго ига, власть всероссійскаго митрополита, опиравшаяся на власть епархіальныхъ епископовъ, была единственнымъ оплотомъ, противостоявшая ужасамъ междоусобицы и бѣдствіямъ татарскаго погрома. Русскій народъ тогда объединялся болѣе около святительскихъ престоловъ, чѣмъ великокняжескихъ. Было время, когда можно было говорить: гдѣ митрополитъ, тамъ и русскій народъ. Вотъ почему въ извѣстное время московскій князь такъ старательно ухаживалъ за владимірскимъ митрополитомъ, переманивая его изъ Владиміра къ себѣ въ Москву. Князь дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, конечно, не безъ глубоко продуманной задней мысли. Онъ хорошо зналъ, что гдѣ будетъ митрополитъ, тамъ будетъ и весь русскій народъ. И онъ не ошибся въ своихъ мудрыхъ разсчетахъ, какъ краснорѣчиво показала это исторія.

Церковная власть взлелѣяла русское государство и его властителя до подобающаго роста и могущества. Подъ сѣнію Христовою представители Церкви воспитали русское государство до роста Московскаго царства ²⁾.

Оттого то епископы Церкви, съ митрополитомъ и потомъ Патріархомъ во главѣ были главными и любимыми совѣтниками, думными людьми князей и царей русскихъ. Князь и царь считалъ своего епископа своимъ отцомъ и богомольцемъ, во всемъ съ нимъ совѣтовался, всѣ дѣла обдумывалъ и велъ съ его благословенія, всѣ грамоты и указы скрѣпи-

¹⁾ *Е. Воронецъ*. Нѣсколько словъ объ епископахъ Мис. Об. № 5, стр. 740.

²⁾ *Проф. Т. Барсовъ*. Проекты улучшенія въ нашемъ церковномъ управленіи.

лялись подписью или печатью епископа или митрополита, а потомъ Патріарха. Вотъ почему въ грамотахъ и указахъ того времени мы читаемъ, что они составлены или изданы „по благословенію“, „по совѣту“ съ митрополитомъ или Патріархомъ „Мы, Великій Государь, совѣтовавъ (или стадавъ) съ Святѣйшимъ Отцомъ нашимъ и богомольцемъ... указали“ ¹⁾).

Въ далекое старое доброе время духовенство, принимая живое участіе въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ, присутствовало и въ Боярской Думѣ, и на Земскихъ Соборахъ. „Подъ вліяніемъ тѣсной связи мірскихъ правителей съ церковными, сложился еще отъ временъ св. Владимира обычай приглашать въ Думу „властей“, какъ называли въ древности высшихъ представителей Церкви. И епископы считались дѣйствительными членами совѣщательной царской Думы по своему сану и присутствовали въ ней иногда даже цѣлымъ „Освященнымъ Соборомъ“. Когда присутствовалъ въ Думѣ одинъ высшій іерархъ, бумаги, бывшія результатомъ такого собранія, имѣли обыкновенно такое надписаніе: „Великій Государь, совѣтовавъ съ Святѣйшимъ Патріархомъ и говоря съ бояры, указалъ“... Когда же собирался цѣлый „Освященный Соборъ“ представителей Церкви въ Боярскую Думу, то такое присутствіе называлось „Соборомъ“, и акты его надписывались такъ: „Мы, Великій Государь, совѣтовавъ съ отцомъ своимъ богомольцемъ (такимъ то) и со всѣмъ „Освященнымъ Соборомъ“ и со всѣми бояры и думными людьми, приговорили“...

Предложеніе комиссіи бояръ и выборныхъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ, наприим., мѣстничества въ 1682 году обсуждалось Государемъ съ Думою и „Освященнымъ Соборомъ“, который состоялъ изъ Патріарха, шести митрополитовъ, трехъ архіепископовъ и трехъ архимандритовъ. Въ иной разъ „Освященный Соборъ“ въ Думѣ состоялъ изъ митрополита, 11 епископовъ, 39 архимандритовъ и игуменовъ, и 9 старцевъ изъ важнѣйшихъ монастырей ²⁾).

Представители Церкви присутствовали въ Думѣ далеко не для „виду“ только...

¹⁾ *Собрание Государствен. Грам. и Договор. Части 1—4.*

²⁾ *Проф. В. Ключевскій, Боярская Дума древней Руси.*

Въ царствованіе Государя Федора Алексѣевича, Дума Боярская рѣшила, наприм., раздѣлить русское государство на областныя намѣстничества съ наслѣдственнымъ вѣчнымъ намѣстничествомъ изъ великородныхъ бояръ, которые бы носили и титула тѣхъ царствъ — Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и другихъ, гдѣ кто будетъ... „И на сіе дѣло Государь соизволилъ и тому всему, гдѣ кому быть, тетрадь, за помѣткою думнаго дьяка къ святѣйшему Патріарху прислалъ, чтобы онъ на то дѣло далъ благословеніе и въ исполненіи его помогалъ, Іоакимъ Патріархъ и еще многую трудность имѣлъ отъ желающихъ этого палатскихъ подустителей, и никакъ не допустилъ и возбранилъ всеконечно это дѣлать, для того, чтобы учиненные намѣстники великородные люди, по прешествіи нѣсколькихъ дѣлъ, обогатятся и пренебрегши московскихъ царей самодержавныхъ, не отступили и единовластія не разорили“. Ни просьбы, ни угрозы бояръ изъ „подустителей палатскихъ“ не могли склонить Патріарха на согласіе съ вреднымъ для отечества проектомъ и, благодаря энергичному противодѣйствію только одного этого думскаго епископа, разрушительный проектъ не былъ осуществленъ, и тѣмъ православное епископство еще разъ спасло Россію и ея единодержавіе ¹⁾.

У насъ въ настоящее время много пишутъ и немало восторгаются тѣмъ, что Государь призвалъ 6 человѣкъ изъ духовенства въ нашъ новый Государственный Совѣтъ. Спасибо, дѣйствительно, за это нашему Государю. Но всетаки какъ ничтожна роль Церкви и въ этомъ случаѣ, ничтожна въ сравненіи даже съ XVII вѣкомъ. Въ то время въ Боярской Думѣ, которая соотвѣтствовала по своему строю нашему теперешнему Государственному Совѣту, присутствовало не шесть человѣкъ представителей отъ Церкви, а весь „Освященный соборъ“, въ какомъ бы количествѣ онъ не засѣдалъ въ то время въ Москвѣ. „Освященный соборъ“, конечно, представлялъ собою громадную реальную силу, потому что за нимъ стояло все тѣсно сплоченное русское духовенство и наконецъ тысячи церковныхъ крестьянъ. Не говоримъ уже о прочихъ вѣрующихъ сынахъ Церкви, глубоко преданныхъ своимъ

¹⁾ Проф. С. Соловьевъ. Ист. Рос. Т. 13, стр. 302. Проф. В. Ключевскій. Боярская Дума. Стр. 482.

духовнымъ вождямъ. Скажите же теперь откровенно, что будутъ значить эти будущіе наши шесть представителей Церкви, случайно выбранные, ни съ кѣмъ ничѣмъ не связанные, ни на что не опирающіеся, эти, такъ сказать, совершенно бумажные канцелярскіе члены и силы?... Ихъ голосъ потонетъ въ морѣ разнообразныхъ другихъ голосовъ и будетъ почти совершенно безплоденъ.

На думскихъ совѣщаніяхъ обыкновенно дозволялось высказываться свободно, по убѣжденію. Мнѣніемъ представителей Церкви цари русскіе дорожили особенно, потому что духовные члены Думы царской всегда были охранителями народныхъ интересовъ и лучше другихъ понимали народную душу. Какъ представители высшихъ идеаловъ, епископы стремились отвратить виѣшнія столкновенія государства, сохраняя при этомъ достоинство отечества, старались умиротворить всякія внутреннія волненія, силою своего всесторонняго вліянія поддерживали существующій гражданскій порядокъ.

„Въ былыя времена Церковь, собирательница Руси, земли русской играла въ нашей исторіи роль созидательнаго и освободительнаго движенія начала. Въ удѣльную эпоху она укрощала раздоры князей, призывала ихъ объединиться въ общемъ христіанскомъ дѣлѣ. Она сдерживала темные разрушительныя инстинкты и полагала преграду тѣмъ центробѣжнымъ силамъ, которыя стремились разорвать Россію на части. Кто не помнитъ ея участія въ дѣлѣ сверженія иноземнаго ига, сначала татарскаго, а въ смутное время—польскаго? И когда побѣжденный русскимъ оружіемъ бѣсъ татарскаго деспотизма явился въ лицѣ Іоанна Грознаго въ новомъ воплощеніи, изъ Церкви возсталъ святитель на защиту угнетеннаго народа. Царь-мучитель былъ изобличенъ митрополитомъ-мученикомъ“¹⁾... Св. митрополитъ Филиппъ, когда опричина наполнила Москву и ея окрестности грабежами, убійствами и другими буйными и разгульными неистовствами, говорилъ Грозному: „Я пастырь Церкви Христовой. Мы съ тобой должны заботиться о благочестіи и покоѣ православнаго царства... Молчаніе не умѣстно теперь: оно размножило бы грѣхъ и пагубу... Пусть водворится любовь

¹⁾ Кн. Е. Трубецкой. Право. 1905 г. № 15.

на мѣстѣ раздѣленія и вражды“. „Мы съ тобой должны заботиться“... какія это дивныя, золотыя слова... Когда мы ихъ услышимъ еще? И услышимъ ли?..

И много вѣковъ жизнь русскихъ людей текла подъ главнымъ воздѣйствіемъ великихъ неизмѣнныхъ началъ православнаго христіанства, проводимыхъ въ жизнь представителями Церкви. Эти начала соотвѣтствовали природнымъ свойствамъ русскаго народнаго духа и сдѣлались главною основою всего міросозерцанія частной и общественной жизни до-Петровской Руси, когда вѣра одушевляла всѣ стороны гражданскаго быта, всѣ отрасли государственнаго строя ¹⁾...

Что же было дальше?

Соборную форму правленія дерзко поправилъ и уничтожилъ Петръ I. Восемь вѣковъ благотворно существовавшее на Руси постоянное совѣщательное учрежденіе для обсужденія князьями и царями всѣхъ дѣлъ княжества и царства,—Думу Боярскую—, съ присутствіемъ въ ней епископовъ Церкви, уничтожилъ тотъ же Петръ стихійнымъ характеромъ своихъ преобразованій. Случайные государственные совѣщательные органы 18 вѣка, подъ различными наименованіями: „Тайныхъ Совѣтовъ, Канцелярій, Конференцій, Экспедицій, Кабинетовъ“ уже больше не знаютъ епископовъ Церкви, какъ своихъ непремѣнныхъ членовъ. А страницы исторіи того времени рассказываютъ намъ почти объ однихъ только гоненіяхъ на тѣхъ представителей Церкви, которые, памятуя старое доброе время, пытались вернуть свои прежнія права и прежнее свое могучее вліяніе на общественную жизнь страны. Не будемъ вспоминать объ этихъ мрачныхъ временахъ. Желаящіе могутъ познакомиться съ ними подробно по различнымъ серьезнымъ сочиненіямъ... ²⁾

Долгіе годы неблаговедрія для Церкви лишили ее той широкой жизненно практической дѣятельности, какою такъ славилась нѣкогда она. Церковные дѣятели ушли въ себя, замкнулись, отъ народа и живого непосредственнаго общенія съ нимъ старательно отгородились, по примѣру гражданской власти, и въ своей жизни стали больше походить на богатыхъ чиновниковъ, помѣщиковъ, магнатовъ... Архи-

1) *Е. Воронецъ*. Тамъ же. Стр. 741—742.

2) Ср. *Проф. Благовидовъ, Титлиновъ* и др.

пастырямъ теперь даже ходить пѣшкомъ нельзя стало. Они могутъ ѣздить только въ каретахъ и на міръ Божій смотрѣть изъ маленькаго только оконца кареты. „Въ послѣдніе вѣка своего историческаго существованія Церковь замкнулась въ состояніе аскетическаго равнодушія къ дѣламъ мірскимъ. Событія и превращенія общественной жизни проходили мимо нея, не вызывая съ ея стороны никакого воздѣйствія. Соотвѣтствуетъ ли такое равнодушіе къ жизни мірскаго общества идеалу живой, дѣятельной любви Христовой? Кто ближе къ духу Христову—св. Филиппъ или современные намъ пастыри-угодники свѣтской власти“?

Другой молодой, искренній писатель пишетъ:

„Оффиціальная церковь не принимаетъ и не благословляетъ идеаловъ, которыми живетъ культурное человѣчество. Но такъ какъ нельзя совершенно уйти отъ жизни, не переставши существовать, не уничтожившись, то церковь осуждена фатально на то, чтобы принимать и оправдывать фактическое содержаніе жизни, какъ бы оно ни было несовершенно. „Какъ они, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога..., то и предали ихъ Богъ въ похотяхъ сердець ихъ нечистотѣ“, — говоритъ апостолъ про язычниковъ (Рим. 1, 21, 24). Эти слова апостола во всей ужасающей дѣйствительности ихъ сбылись на представителяхъ нашей церкви“¹⁾...

Но эти мрачныя времена проходятъ. Къ счастью для нашей Церкви не всѣ ея пастыри таковы; въ ней снова повѣялъ духъ жизни. Пусть растетъ и крѣпнетъ это движеніе, тогда Церковь возстановитъ свой пришедшій въ упадокъ нравственный авторитетъ. И это возрожденіе будетъ спасительнымъ не только для нашей Церкви, но и для нашей государственной жизни“²⁾.

И св. Синодъ нынѣ призываетъ пастырей къ этой широкой церковно-общественной дѣятельности. Въ пастырскомъ посланіи своемъ, обращенномъ ко всему православному русскому духовенству, онъ пишетъ: „издревле въ російской державѣ Церковь православная крѣпко хранитъ союзъ свой съ государствомъ, и строительство великаго отечества нашего велось подъ сѣнію церковною, молитвами святыхъ російскихъ,

¹⁾ Доц. Успенскій Рус. Пал. № 11, стр. 137, 1906 г.

²⁾ Кн. Е. Трубецкой. 1905 г. Право. № 15.

ихъ дѣломъ и совѣтомъ Государямъ нашимъ и народу нашему“...

Въ подтвержденіе и раскрытіе этой мысли посланіе приводитъ рядъ историческихъ примѣровъ. Предъ нами проходятъ святыя и великіе образы „защитниковъ и хранителей русскаго государства“. Это—митрополиты Петръ, Алексій, Филиппъ, Патріархъ Гермогенъ, игуменъ Сергій Радонежскій, архіепископъ Вассіанъ Ростовскій. Они—въ одномъ ряду съ Мининымъ и княземъ Пожарскимъ.

Все это—одинъ духъ, одно торжество Церкви, водворявшей царство Божіе на русской землѣ, охранявшей государство силой своего нравственнаго авторитета. Эти образы—„истинно - историческіе символы русскихъ общественныхъ основъ“ ¹⁾. Ни спора о власти, о преобладаніи, ни какихъ либо политическихъ счетовъ и соперничества не было и у Церкви и государства въ ту далекую пору, о которой говорятъ приведенныя слова изъ воззванія Св. Синода. Христосъ не соперничалъ съ Кесаремъ на древней Руси, не боролся съ нимъ. Митрополитъ Алексій только покровительствовалъ великому князю, а для Филиппа беззаконіе царя было только торжествомъ святителя. Святители православные никогда не были римскими папами. Духовная власть въ Россіи съ самаго начала была христіанскимъ началомъ въ обществѣ, нравственнымъ принципомъ въ русской культурѣ. Россія, какъ страна христіанская, искала тогда жизни въ Церкви Христовой.

Такъ было давно на Руси „встарь“. Это было не церковное государство (папизмъ, теократическій абсолютизмъ), ни „государственная церковь“ (строгій цезаропапизмъ), ни покровительство государства Церкви, а органическое взаимодействие Церкви и государства, когда православіе признавалось духовнымъ началомъ народной мысли и жизни.

Давно прошли эти вѣка „христіанскаго государства“ на Руси. Давно уже Церковь потеряла этотъ всеобъемлющій характеръ. Теперь она по внѣшнему своему положенію тѣснѣе, уже русскаго государства. Ея организація и управленіе есть не что иное, какъ одна изъ частей государственнаго управленія. Нужно въ настоящее время возстановить полноту

¹⁾ В. С. Соловьевъ. О духовной власти въ Россіи.

культурнаго вліянія Церкви на рускій народъ въ его государственной жизни. И Св. Синодъ нынѣ идетъ открыто на встрѣчу этому освободительному движенію въ Церкви. Онъ говоритъ о необходимости для духовенства идти опять въ народъ, участвовать въ „Государевомъ дѣлѣ“, дѣлить съ нимъ это дѣло. Очевидно для всякаго, „въ такое время не могутъ и не должны безмолвствовать пастыри церкви“. „Выборное дѣло“ ихъ—„законное право“, „гражданскій долгъ“. Пастырь не „простой мірянинъ“, но истинный гражданинъ русской земли, русскаго государства. „Служители алтаря Господня“ опять становятся служителями матери-родины. Угодники Божіи за народъ, за волю и геній русской земли. Нравственный авторитетъ власти духовной проявляется и крѣпнеть духовная сила—святость. Государство должно преклониться предъ нею, предъ общимъ авторитетомъ Евангелія.

Горячо вѣримъ, что Церковь, выдвинувшая такіа колоссальныя фигуры, какъ Филиппъ, Алексій, Гермогенъ, выдвинетъ новыя, еще большія культурныя силы, зажжетъ еще новыя свѣточи въ грядущемъ пути всеобщаго обновленія нашей родины. Она понесетъ въ глубь жизни государства Евангеліе, а въ немъ и сама просіяетъ новымъ Фаворскимъ свѣтомъ и все поле нашей культуры прояснитъ во свѣтѣ Воскресшаго Христа, Царя и Бога нашего ¹⁾.

Итакъ, пусть же возстанутъ во всей своей былой силѣ и живой непосредственности Государь и Патриархъ, эти двѣ великія, могучія, живыя, зяждущія силы, эти два великихъ строителя русской земли, два центра народно-церковной жизни, эти какъ бы двѣ совѣсти и какъ бы два разума народные, эти какъ бы два ока, смотрящія въ глубь и ширь земли, и въ высь небесъ, обнимающія собою всю совокупность земно-небесныхъ человѣческихъ отношеній ²⁾. Пусть каждый изъ нихъ сниметъ съ себя нѣмецкіе заморскіе кафтаны, надѣтые насильно, грубою рукою „стихійнаго человѣка“, и пусть станутъ они въ настоящее время передъ русскимъ народомъ во всей своей былой величавой простотѣ, красотѣ, силѣ и близости къ дѣйствительной жизни.

¹⁾ *Церковная Газета*. Церковь и Государство. № 5 стр. 2 сл. 1906 г. Прот. Свѣтловъ и мн. др.

²⁾ Ср. А. Хомяковъ, и др. мн.

Пусть за Царемъ станетъ русскій народъ не въ обликъ забитаго, загнаннаго, невѣжественнаго, почти раздѣтаго и разутаго, полуголоднаго раба, а въ обликъ свободнаго гражданина, просвѣщеннаго, сознательно вѣрующаго, сытаго, довольнаго, горячо любящаго свою родину, работающаго на общемъ поприщѣ культурныхъ народовъ и вносящаго въ сокровищницу Божьяго міра изъ своей славянской души свои великіе дары. Пусть станетъ онъ за Царемъ въ обликъ какъ бы родного сына, а не раба...

Пусть и за Патріархомъ станетъ все русское духовенство одною тѣсно сплоченною семьей, не разорванное какъ теперь на множество различныхъ клочковъ, группъ, благодаря чиновникамъ и различнымъ произволамъ, не сбитое съ пути, заморенное и запуганное до того, что даже заповѣди Христа иногда оно ставитъ ниже неразумныхъ распоряженій различныхъ людей—временщиковъ и притомъ иногда еще и весьма неважныхъ. Въ хорошей семьѣ никто никому не рабъ. Всѣ свободны и всѣ одинаково дороги другъ для друга. За іерархіей пусть свободно соберутся у своего общаго отца духовнаго, какъ бы общей совѣсти своей, и міряне, опять не какъ рабы, а какъ сыны свободы. Пусть эта новая семья пересмотритъ свои житейскіе уставы, которые теперь изжиты и многихъ уже не удовлетворяютъ, скажетъ по всѣмъ вопросамъ христіанскаго жизнепониманія и жизнеустроенія свое новое свободное слово, полное одной самобытной правды Христовой, взрожденной на поляхъ и нивахъ славянскихъ душъ. Тогда мы можемъ сказать „едиными устѣ и единымъ сердцемъ“ слово братской любви всѣмъ русскимъ людямъ, изъ которыхъ многіе, храня правду узко церковную, ушли изъ нашего двора, и тѣмъ, кто сказалъ о насъ, что мы потеряли совѣсть Христа и пошли сами искать Его по распутіямъ міра ¹⁾. Скажемъ мы властное слово и братьямъ нашимъ на Востокъ. Дадимъ отвѣтъ и братьямъ, простирающимъ давно къ намъ свои руки съ различныхъ мѣстъ Запада. Найдемъ силы пролить свѣтъ Христовой правды и среди необозримаго множества язычниковъ, наполняющихъ наше отечество еще даже и до дне сего...

¹⁾ *Еп. Евдокимъ*. На зарѣ новой церковной жизни (Думы и чувства) Серг. Пос. 1905 г.

Въ тѣснѣйшемъ единеніи сила... „Да вси едино, будутъ яко же Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ я въ Тебѣ“,—молился Великій Первосвященникъ Христосъ, когда былъ на землѣ. Пусть эта молитва отнынѣ станетъ нашей преимущественной молитвой. Повторимъ нынѣ съ особеннымъ усиленіемъ и еще одни замѣчательныя слова Христа Спасителя: „и да будетъ едино стадо и единъ Пастырь“... Именно—„единъ Пастырь“, на котораго были бы обращены очи всякаго и котораго можно было бы видѣть отовсюду. Пусть будетъ у насъ средоточіе нашей церковно-общественной жизни. Мы тогда будемъ знать, куда и къ кому намъ идти съ своими нуждами и радостями. „Патріархъ нашъ не будетъ ни папой, ни даже патріархомъ въ Византійскомъ смыслѣ... По отношенію къ прочимъ епископамъ онъ лишь первый между равными и потому пользуется обычными нравственными правами старшаго брата“¹⁾. А для миллионовъ вѣрующихъ онъ—отецъ духовный, вождь и великій „печальникъ“...

Въ настоящее время всѣ заняты предстоящимъ „Соборомъ“, и „Думой“. При этомъ „Соборъ“ и „Дума“ мыслятся у насъ, такъ сказать, дуалистически: „Соборъ“ касается души, а „Дума“—тѣла. „Но прежде не было такъ“: въ былое время то и другое начало устроенія русской жизни объединялось въ свято-русскій *монизмъ*. На языкѣ древней Руси и „Соборъ“ могъ быть названъ „Государственнымъ“ и „Дума“—„Церковной“. Причина указаннаго дуализма церковно-государственной жизни лежитъ въ нашемъ удаленіи отъ своихъ вѣковыхъ традицій и идеаловъ. На св. Руси государственно-общественное „тѣсто“ заквашивалось прежде всего христіанской церковностью; и эта церковность въ свою очередь не отгораживалась отъ государственно-общественнаго устроенія земли. „Изначала у насъ въ русскомъ царствѣ такъ велось, говорили въ 1610 году великіе московскіе послы польскому королю,—если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о важныхъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали“. Съ дру-

¹⁾ *Сергій Архіеп. Финл.* Предстоящій соборъ и желательныя церковныя преобразованія 1906. Стр. 22.

гой стороны, цари московскіе съ своими синклитами участвовали на соборахъ церковныхъ, которые они созывали, устраивали и на нихъ иногда даже сами предсѣдательствовали (Соб. 1654 г.)... И то была *единая святая Русь*. Но... „спящимъ намъ приде врагъ и всѣя плевелы посреди пшеницы“,—по выраженію „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича,—„куколь душепагубный“. Дальше пошло такъ, что „великія государственныя и земскія дѣла“ переходили у насъ въ руки людей, которые съ патріархами, митрополитами и архіепископами ничего, кромѣ человѣческаго естества и человѣческихъ именъ, общаго не имѣли, — людей не только неправославныхъ и не церковныхъ, но даже явныхъ атеистовъ и иноплеменниковъ. Отчаянная борьба за существованіе въ холодной и суровой странѣ, нищета, темнота, невѣжество, батоги и плети крѣпостничества, капральскія палки нѣмецкихъ бездарныхъ администраторовъ, укравшихъ для себя у Россіи царскую власть,—вотъ наши историческія воспоминанія ¹⁾. И по дѣламъ церковнымъ „окомъ и стряпчимъ государевымъ“ въ Св. Синодѣ бывали открытые безбожники (Чебышевъ). Черезъ это самое пути русскихъ Церкви и Государства *разошлись*. Единой Святой Руси не стало. Она *дуализировалась* въ безрелигіозную государственность и безжизненную церковность, которая теперь болѣе чѣмъ въ несогласіи. Возникло какъ бы государство въ государствѣ. Государство старается отгородиться отъ Церкви, Церковь—отъ государства. Появляются два ряда параллельныхъ обособленныхъ учрежденій (школы и пр.), создаются два особыхъ быта и т. д.

Самопознаніе наше опредѣляется двумя словами: „*Святая Русь*“. И въ этихъ словахъ, выражающихъ необъятную глубину народнаго историческаго самосознанія, весь секретъ нашего церковно - государственнаго обновленія и всѣ средства къ нему. Будь настоящая Россія религіозною, „Святою Русью“, какою бы силою для ея политическаго успокоенія былъ бы ея церковный Соборъ, волею Царя созданный ¹⁾, и какъ бы стала сильна св. Русь и совѣтъ и извнугри.

¹⁾ Ср. *Рус. Пал.* № 11 стр. 173. 1906 г.

²⁾ Ср. *Колоколъ*. Церковный Соборъ и Русская земля. № 61. 1906 г.

Возстань же, подымись св. Русь... Съумѣй сочетать мудрость неба и земли, съумѣй опытъ свой и опытъ просвѣщенныхъ народовъ озарить свѣтомъ Евангелія, носительницей котораго ты была по преимуществу...

Епископъ Евдокимъ.
